

КОМИССИЯ
ПО УСТРОЙСТВУ
НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ
въ гор. ТИФЛИСѢ

НАРОДЫ РОССІИ.

ЧЕРКЕСЫ И АБХАЗЦЫ.

Съ рисунками.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ И ДѢЛО“.

1879г.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, М 39.

~~17/31~~
3

Handwritten notes in purple ink:
17/31
1431
№ 1431
1431

29147
Small logo in the top right corner.

Handwritten notes at the bottom of the page:
46...
56...

НАРОДЫ РОССІИ.

КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.

За чертою области войска Донскаго начинается кавказскій край, то есть широкій перешеекъ протянувшійся отъ Чернаго до Каспійскаго моря и ограниченный съ сѣвера областью Донскаго войска и Астраханскою губерніею, а съ юга границею Россіи съ Турціею и Персіею. По характеру своему этотъ перешеекъ самую природою раздѣленъ на три характеристичныя отдѣльныя части: *Предкавказье*, — продолженіе равнинныхъ степей южной Россіи; *Кавказъ* — горный хребетъ съ своими отрогами, протянувшійся на тысячу верстъ отъ Тамани до Баку, и наконецъ *Закавказье* — лежащее по южную сторону хребта до государственныхъ границъ.

Сѣверная часть Предкавказья есть степь безлѣсная и почти безводная, всѣ рѣчки которой бѣдны водою, весьма дурнаго качества и въ лѣтнее время почти всѣ высыхаютъ. Хотя во всѣхъ поселеніяхъ, расположенныхъ по теченію этихъ рѣчекъ, господствуетъ постоянный смрадъ отъ гніющей воды, видъ жителей однако здоровый, изъ чего можно заключить, что въ гигиеническомъ отношеніи вода эта не производитъ дурныхъ послѣдствій.

Зимю морозы доходятъ здѣсь до 20°; вьюги и вѣтели свободно гуляютъ по степи и самый путь держится съ декабря до начала марта.

По мѣрѣ движенія на югъ степной характеръ мало по малу исчезаетъ. Сначала вдали виднѣются деревья, сама мѣстность дѣлается волнистою; это — возвышенная плоскость, перерѣзанная балками и оврагами. Съ Георгіевска и Пятигорска мѣстность дѣлается еще разнообразнѣе: появляются рѣчки, лѣса, роды и вообще страна становится видимо плодороднѣе. Эта вторая полоса имѣеть слишкомъ 800 верстъ длины и на ней лежатъ обширныя равнины, Кубанская, Закубанская, Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Плодородная почва, роскошныя травы и теплый климатъ составляютъ отличительную принадлежность и характеристику этой мѣстности.

Хотя близость снѣговыхъ горъ и бываетъ причиною, что на высшихъ плоскостяхъ этой части морозы доходятъ до 20°, тѣмъ не менѣе полоса эта, обильная лѣсомъ, наполнена фруктовыми деревьями, между которыми не рѣдкость встрѣтить черносливъ, персики, абрикосы, шелковицу, груши, бергамоты и виноградъ. Урожай здѣсь громадные, а трава высокою въ ростъ челоуѣка.

Кавказскій хребетъ съ его отрогами составляетъ громадный естественный рубежъ, раздѣляющій діагонально весь перешеекъ на двѣ неравныя части: сѣверную и южную. Съ кабардинскихъ полей кавказскій хребетъ представляетъ поразительно художественный видъ. Вѣчно снѣжныя вершины его ярео рисуются на небѣ и блестятъ солнечнымъ свѣтомъ, прихотливо играющимъ во впадинахъ, по выпуклостямъ, и переходящимъ то въ нѣжно голубой, то туманно-синій и бѣлый. Начинаясь у Анапы, горы идутъ въ югосточномъ направленіи, и изъ общаго пространства края въ 8,000 квадратныхъ миль занимаютъ 3,857 миль; остальное пространство остается на долю равнинъ и плоскихъ возвышенностей.

Сѣверная или передняя гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, называющихся *Черными* горами; за ними почти параллельно идутъ болѣе высокія горы, болѣе крутыя и обрывистыя, а въ срединѣ пролегаетъ главный Кавказскій хребетъ. По южную сторону главнаго хребта опять тянутся голыя, крутыя и обрывистыя горы, а еще далѣе за ними лѣсистыя, отъ подножія которыхъ и начинается *Закавказскій* край. Высочайшія вершины Кавказскаго хребта суть: *Казбекъ*, поднимающійся на 16,546 футовъ, и *Эмборусъ* — на 18,571 футъ.

Отъ горы Барбало въ главномъ хребтѣ отдѣляется вѣтвь въ сѣверовосточномъ направленіи, извѣстная подъ названіемъ Андійскаго хребта. Треугольное пространство, ограниченное Андійскимъ хребтомъ, главнымъ кавказскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, есть Дагестанъ. Онъ состоитъ изъ хаоса горъ, безлѣсныхъ и каменныхъ.

Все Закавказье, то есть пространство по южную сторону Кавказскаго хребта до самой турецкой и персидской границъ, за исключеніемъ небольшихъ частей, наполнено горами. Горы, наполняющія это пространство, извѣстны подъ именемъ Малаго Кавказа.

Племенной составъ жителей Кавказскаго и Закавказскаго края чрезвычайно разнообразенъ. Въ сѣверозападной части Кавказскаго перешейка по обѣимъ сторонамъ хребта — живутъ *адые* или *черкесы*. Отъ предгорій Эльбруса до верховій Сунжи — живетъ тоже племя подъ названіемъ *кабардинцевъ*. По берегу Чернаго моря въ соедствѣ съ черкесами живутъ *убыхи*; далѣе *абхазцы*; южнѣе кабардинцевъ — *осетины*; по бассейну Сунжи — *чеченцы*, а въ соедствѣ съ ними — *кумыки*; Дагестанъ занятъ аварскимъ племенемъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ *лезгинскаго*.

Въ Закавказскомъ краѣ къ абхазскому племени примыкають сва-

неты, а все пространство на югъ отъ Абхазіи, отъ Чернаго моря и почти до слиянія рѣки Куры съ Алазанью, занято племенемъ картвельскимъ или грузинскимъ, къ которому кромѣ *грузинъ* принадлежатъ: *имеретинцы*, *минрельцы* и *гурійцы*. Нѣкоторые къ грузинскому же племени относятъ: *тушинъ*, *пшавовъ* и *хевсуровъ*. Часть ахалцыхскаго уѣзда и уголь между Курою и Араксомъ, равно какъ и вся возвышенная плоскость Малаго Кавказа, населены *армянами*, перемѣшанными съ другими племенами. Между грузинами и армянами поселились *персіане* и *татары*.

Таковы главныя племена и народности Кавказскаго перешейка. Но необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ дробятся на множество отдѣльныхъ обществъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя населяютъ горы. Тамъ каждая долина рѣки представляетъ собою какъ бы отдѣльное общество, имѣющее весьма мало сношеній съ сосѣдями. Такая раздѣльность объясняется характеромъ природы Кавказскаго края. Значительная высота горныхъ хребтовъ дѣлаетъ доступъ къ нѣкоторымъ обществамъ весьма затруднительнымъ. Часто только одна пѣшеходная тропа соединяетъ два общества, но и та бываетъ доступна только въ теченіи двухъ, а много четырехъ мѣсяцевъ; въ остальное время года глубокія пропасти, заваленныя рыхлымъ снѣгомъ, сглаживаются, и каждый шагъ путника дѣлается опаснымъ. Вьюги и мятели, сбрасывающія съ сосѣднихъ горныхъ хребтовъ снѣговья завалы, сильныя и порывистыя вѣтры, свирѣпствующія на перевалахъ, дѣлаютъ сообщеніе съ сосѣдями невозможнымъ. Предоставленные исключительно самимъ себѣ, одинокіе въ своей жизни, запертые со всѣхъ сторонъ въ своей котловинѣ, жители усвоили себѣ дикій и суровый характеръ, какъ дика и сурова окружающая ихъ природа. Эта уединенность и замкнутость суть единственныя причины, что многія поколѣнія одного и того же племени живутъ различною жизнью, имѣютъ неодинаковыя нравы и обычаи и

даже говорить особымъ нарѣчіемъ, нерѣдко трудно понимаемымъ сосѣдами-единоплеменниками.

Описаніе народовъ Кавказа мы начнемъ съ черкесовъ, которые въ прежнее время занимали Черноморское побережье и склоны Кавказскаго хребта. Съ покореніемъ Кавказа большинство черкесскихъ племенъ удалилоь въ Турцію, а оставшіяся въ небольшомъ числѣ выселены изъ горъ на плоскость.

სპეც-2000
შემოწმებულია

І. ЧЕРКЕСЫ ИЛИ АДЫГЕ.

Характеръ, бытъ и религія.

До полнаго покоренія Кавказа, Черноморскій кавказскій берегъ, значительная часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанская равнина и большая половина Кабардинской плоскости были заняты племенемъ, которое, по завоеваніи всего Кавказа, отчасти удалилось въ Турцію, а частью было выселено изъ горъ на плоскость. Племя это черкесы, которые сами себя называютъ адыге, что на всѣхъ нарѣчіяхъ этого племени означаетъ островъ. Происхожденіе названія черкесь объясняютъ различно. Одни стараются объяснить начало этого названія отъ Чера и Кеса, по преданіямъ бывшихъ, будтобы, первыми родоначальниками адыгскаго народа; другіе говорятъ, что черкесь есть слово татарское, данное отъ рѣчки Черекъ, извѣстной кровопролитными битвами, присходившими между татарами и кабардинцами; наконецъ дагестанцы и всѣ остальные жители Закавказья называютъ черкесовъ «саръ-кясъ», что означаетъ сорви-голова, головорѣзь. Отъ послѣдняго названія произошло испорченное слово черкесь, данное народу, отъ хищническихъ нападеній котораго сосѣди весьма много терпѣли.

Откуда бы ни произошло названіе черкесь, оно стало однако у насъ гораздо популярнѣйшимъ и болѣе употребительнымъ, чѣмъ

слово адыге, служащее выраженіемъ одинаковости происхожденія и одноплеменности многихъ отдѣльныхъ поколѣній черкесскаго народа, которыя не отличаются другъ отъ друга ни языкомъ, ни правами и обычаями.

Многочисленное черкесское племя (адыге) раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, извѣстныхъ подъ различными именами и названіями, какъ-то: кабардинцы, живущіе въ Большой и Малой Кабардѣ; бесленеевцы, мохошевцы, хатюгойцы, темиргоевцы, абадзехи, шапсуги, бжедухи, убыхи и разныя другія болѣе мелкія племена.

Внутренняя жизнь черкеса была всегда тревожна, всегда взволнована; постоянно какой нибудь вопросъ да занималъ общество. То народное собраніе подымало на ноги весь народъ, или въ аулѣ происходило какое-нибудь разбирательство; то ходила въ народѣ ложная, преувеличенная вѣсть о грозящей опасности; то сборъ партій, то набѣгъ; то дѣйствительное вторженіе нашихъ войскъ въ ихъ предѣлы, или наконецъ, появленіе въ горахъ шейха (святаго), проповѣдывавшаго покаяніе.

Между черкесами встрѣчалось много такихъ лицъ, которыя выросли безъ призрѣнія, безъ воспитанія и религіи, и не имѣли рѣшительно никакой собственности; никто не могъ сказать откуда явились такіе люди. Желая сдѣлать свое существованіе не только возможнымъ, но и пріятнымъ, они, кромѣ воровства, не имѣли никакихъ другихъ средствъ. Это были бездомные бродяги, или *абреки*. Обстоятельства ихъ, естественнымъ образомъ, сложились такъ, что жить и воровать было для нихъ одно и то же; воровать у непріятеля-ли или у своихъ,—все равно: въ этомъ заключалась цѣль ихъ существованія и единственное занятіе.

Обычай мстить за кровь, или кровомщеніе, было необузданное чувство и вмѣстѣ обязанность, налагаемая честью, общественнымъ мнѣніемъ и личнымъ убѣжденіемъ каждаго черкеса.

При совершении кровомщения не было ничего рыцарскаго и откровеннаго. Кровоместникъ (зе-ші) убивалъ изъ засады, истреблялъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейству, зажигалъ ночью сакли, кралъ дѣтей и продавалъ ихъ въ рабство и неволю. Все это дѣлалось воровски, скрытно, съ удаленіемъ отъ себя, по возможности, всякой опасности. Предпримчивый кровоместникъ, въ теченіи короткаго времени, могъ столько надѣлать вреда, что обидившее его семейство принуждено бывало просить черезъ посредниковъ мира и удовлетворить обиженнаго установленною обычаемъ платою за кровь.

Для кровомщения нѣтъ ни дружбы, ни родства, нѣтъ и опредѣленнаго времени, въ которое должна быть совершена месть. Проходятъ годы и десятии ихъ, происшествіе забывается среди общества, но не забываетъ его кровоместникъ и ищетъ удобнаго случая къ мщенію.

Въ прежнее время, черкесы всѣ исповѣдывали христіанскую религію. Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ свидѣтельствуютъ, что христіанство введено было при Юстиніанѣ; что при немъ воздвигнуты были храмы, постановлены священники (шогени), изъ которыхъ главный, съ званіемъ епископа (шехникъ), по преданію жилъ въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости Нальчика, на мѣстѣ и до сихъ поръ извѣстномъ народу подъ именемъ лѣсистаго кургана.

Потерявъ нить истинныхъ христіанскихъ обрядовъ, черкесы не могли оставаться вовсе безъ религіи, въ состояніи несродномъ человѣчеству, и потому примѣшали къ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ понятіе о многобожьи, установили посты и праздники въ честь разныхъ святыхъ и почитаемыхъ ими боговъ и, такимъ образомъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отпали совершенно отъ христіанства.

Въ такомъ положеніи были религіозныя понятія черкесовъ, когда,

ՀԱՅԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ
ՀԱՅԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

КАВАРДИНЕЦЪ.

въ началѣ XVIII столѣтія, въ предѣлы ихъ страны стало проникать ученіе Магомета.

Исламъ не коснулся однако большей части простаго класса черкесскаго народа, особенно бывшихъ жителей морскаго побережья и гористыхъ ущелій. Они оставались безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживались обрядовъ жертвоприношенія и возліанія. Деревянный, особой формы крестъ, прислоненный къ дереву, былъ единственнымъ символомъ ихъ поклоненія. У нихъ не было ни церквей, ни особыхъ молитвенныхъ домовъ или жертвенниковъ.

Вообще жители морскаго побережья и горныхъ ущелій, не имѣя опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, составили свою собственную религію, состоящую изъ смѣси язычества, христіанства и исламизма.

Шаткость религіозныхъ убѣжденій и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ основаніи своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностью, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвалствомъ.

Будучи чрезвычайно впечатлительнъ, черкесъ легко увлекается, но весьма скоро и приходитъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками онъ вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровененъ, говоритъ смѣло и рѣзко то, что думаетъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломнъ, холоденъ, натянутъ. Легкомысленный на обѣщанія, о скоромъ исполненіи обѣщаннаго мало думалъ. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ, съ необыкновенною настойчивостью продолжалъ прежнее, какъ бы дорого за это ему ни пришлось заплатить. Съ необычайною гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія

религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою.

Когда черкесь находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его видятъ всѣ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общеою мольбою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесь не всегда хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что попало, и за тѣмъ убраться, избѣгая погони.

Черкесь всегда былъ жаденъ къ деньгамъ, за деньги рѣшался на убійство, на измѣну; но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется, съ щедростью и легкомысліемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто за деньги были лучшими проводниками для кучковъ, доставлявшихъ рогатый скотъ гарнизонамъ различныхъ нашихъ крѣпостей.

Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ народа укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. (И если, съ одной стороны, черкесь не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой стороны, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться двадцать лѣтъ за какого-нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ страннымъ образомъ соединялись: любовь къ приобрѣтенію, достигавшая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Не смотря на видимое легкомысліе, черкесь обладаетъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывается твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Последнее, особенно въ страданіяхъ, счита-

ется у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго чело-
вѣка. Равнодушiе, съ которымъ они переносятъ боль, доходить до
такой степени, что, въ этомъ случаѣ, легко было узнать между ними
европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и чер-
кесъ, но никогда не могъ сравниться съ нимъ въ терпѣливости.

Одежда черкеса состоитъ изъ мохнатой бараньей шапки, обшитой
галуномъ и прикрывающей бритую его голову; изъ бешмета, черкес-
ки, ноговицъ и сафьянныхъ чевяковъ, по преимуществу красныхъ.

На черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ груди, пришиваются гнѣзда
для патроновъ, помѣщаемыхъ въ *казыряхъ*, т. е. деревянныхъ гиль-
захъ. На поясѣ привѣшивается жирница, отвертка и небольшая сум-
ка, наполненная разнаго рода вещами, дозволяющими всаднику вычи-
стить оружіе, не слѣзая съ лошади.

Оружіе черкеса состоитъ изъ винтовки, пистолетовъ, кинжала и
шашки. Последнее оружіе черкесъ очень любитъ и владѣть имъ въ
совершенствѣ. Шашка остра, какъ бритва, и страшна въ рукахъ на-
ѣзника, потому что ударъ его почти всегда бываетъ смертеленъ;
кинжалъ всегда за поясомъ, даже въ домашнемъ быту.

Все это отличается хорошимъ вкусомъ, изяществомъ покроя, въ
особенности чевяки, то есть обувь безъ подошвы.

На послѣднюю черкесы обращаютъ особенное вниманіе въ своемъ
нарядѣ. Чевяки шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги и, пе-
редъ надѣваніемъ, предварительно размачиваются въ водѣ, натира-
ются внутри мыломъ и, сырые, натягиваются на ногу подобно пер-
чаткамъ. Надѣвшій новые чевяки, долженъ выждать, лежа, пока они,
высохнувъ, примутъ форму ноги. Подъ чевяки въпослѣдствіи подши-
ваютъ самую легкую и мягкую подошву.

Не смотря на то, что черкесъ былъ съ ногъ до головы обвѣшанъ
оружіемъ, оно пригонялось такъ, что одно оружіе не мѣшало другому;
ничто на немъ не бряцало, не болталось, а это было весьма важно
во время ночныхъ набѣговъ и засадъ. Его шашка, покоившаяся въ сафь-

янных *нахвахъ* (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая въ бурочномъ чухлѣ, не блестяла; его чевякъ, мягкій и гибкій, какъ лапа тигра, не стучалъ; его конь, охлажденный ножемъ кастратора, не ржалъ въ засадѣ, и, наконецъ, его языкъ, скудный гласными буквами и составленный изъ односложныхъ словъ, не издавалъ рѣзкихъ звуковъ при стговорѣ, сопутствовавшемъ ночному нападенію.

Домъ черкеса состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ низкими дверьми и маленькими окнами безъ стеколъ и весьма рѣдко затянутыхъ пузыряремъ. Плотно запираемые ставнями, окна служили болѣе для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для освѣщенія комнатъ: главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворенныя настежь лѣтомъ и зимою; на ночь двери запирались и заколачивались изнутри деревянными клиньями, отчего въ аулахъ каждый вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собою дневную дѣятельность его жителей. Около одной изъ стѣнъ комнаты устроено было полукруглое или четырехугольное углубленіе въ землѣ для огня, надъ которымъ висѣла высокая труба, сдѣланная изъ плетня, обмазаннаго глиною; полъ земляной, но такъ хорошо убитый, что не давалъ пыли. Вокругъ печи придѣланы полки, а иногда повѣшенъ цѣлый шкафъ, на полкахъ котораго становилась домашняя утварь и посуда, а оружіе и одежда вѣшались на гвоздяхъ. Широкая, низкая кровати, покрытыя войлокомъ и коврами, и небольшіе круглые столы, разставленные по разнымъ мѣстамъ комнаты, составляли всю мебель туземца, а стоявшая на дворѣ четырехугольная маленькая, на двухъ колесахъ арба, запрягаемая парю воловъ, — его экипажъ. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, становилась, какъ украшеніе, европейская посуда, и если хозяинъ былъ человѣкъ зажиточный, то колонна тарелокъ, ничѣмъ непокрытая и разложенная на самомъ видномъ мѣстѣ полки, свидѣтельствовала о его достаткѣ.

Хозяинъ, его жены и взрослые дѣти имѣли свое отдѣльное помѣщеніе; но посторонній человѣкъ не проникалъ въ эти отдѣленія, по-

священныя исключительно семейной жизни; если же при этомъ хозяйинъ былъ человѣкъ богатый, то онъ укрывалъ свою семью отъ посторонняго глаза особымъ заборомъ, которымъ обносилъ саяли и хозяйственныя постройки. Постройки эти состояли изъ кладовой и хлѣва для овецъ.

Внѣ ограды или забора у богатыхъ, и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ, строился *хаджичишъ* — приемный домъ для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества и лучшая его часть шла у черкеса на убранство этой комнаты.

Устройство кунхской и ея убранство не отличалось ничѣмъ отъ устройства обыкновенныхъ черкесскихъ домовъ; только камышевыя циновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшія самую значительную и роскошную часть домашнихъ принадлежностей черкеса, свидетельствовали о заботѣ хозяина сдѣлать это помещеніе, по возможности, роскошнымъ и удобнымъ.

Гостеприимство развито было между черкесами въ самой широкой степени и составляло одну изъ важнѣйшихъ добродѣтелей этого народа. Гость былъ священной особою для хозяина, который обязывался угостить, охранить его отъ оскорбленій и готовъ былъ жертвовать для него жизнью, даже и въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ преступникъ или кровный его врагъ. Стоило только преступнику войти въ первую встрѣтившуюся ему саялю — и онъ подъ защитою: онъ безопасенъ отъ преслѣдованій.

Красота черкешенокъ съ давнихъ поръ не находила соперницъ: правильныя черты лица, стройный станъ, маленькія руки и ноги, поступь, походка и всѣ движенія являли что-то гордое и благородное. Всѣ, кто только могъ видѣть черкесскихъ женщинъ, свидетельствуютъ, что между ними встрѣчаются такія красавицы, при видѣ которыхъ невольно останавливаешься, пораженный изумленіемъ. «Про черкешенокъ» — говоритъ очевидецъ — «можно сказать, что онѣ вообще хороши, имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно

страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли».

Конечно, понятіе о красотѣ женщинъ есть понятіе относительное; нельзя сказать, чтобы всѣ черкесскія женщины безъ исключенія были красивы, но, во всякомъ случаѣ, онѣ служатъ лучшими представителями прекраснѣйшаго блага, или, такъ называемаго, кавказскаго племени. Красотѣ ихъ очень много вредитъ оспа, для предохраненія отъ которой не предпринималось никакихъ мѣръ; плоскость стана отнимаетъ также много красоты. Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужества, дѣлаетъ то, что грудь красавицы не развивается, слѣдовательно, красота женщины теряетъ многое.

Корсетъ этотъ, надѣваемый подъ рубашку, носитъ названіе пша-кафтанъ (дѣвичій кафтанъ). Пша-кафтанъ состоитъ изъ кожаннаго, холщеваго или изъ какой другой матеріи корсета, съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обѣ груди. Плоская талія и неполная грудь, по понятіямъ черкесовъ, первое условіе красоты дѣвушки. Знатныя дѣвушки шьютъ иногда корсетъ изъ краснаго сафьяна или бархата и обшиваютъ его серебряными и золотыми галунами; въ послѣднемъ случаѣ онъ бываетъ съ короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсетъ надѣвается сверхъ рубашки, подъ верхнюю одежду, и преимущественно въ дни праздниковъ. Хотя корсетъ вмѣстѣ съ ростомъ дитяти перемѣняется и надѣвается съ единственною цѣлю дать дѣвушкѣ стройность и гибкость стана, но, сообщая красоту въ одномъ, препятствуетъ развитію груди и дѣлаетъ ее чрезвычайно плоскою, а главное стѣсняетъ движенія дѣвушки.

По выходѣ замужъ дѣвушки, молодой супругъ распарываетъ еинжаломъ шнуръ корсета, но дѣлаетъ это съ особенною осторожностью, чтобы не захватить тѣла и сафьяна. Неловкость или ошибка, въ этомъ случаѣ, ставится молодому въ большое безчестіе. Рассказываютъ, что

послѣ снятія корсета, у молодой замужней женщины грудь вырастаетъ въ двѣ недѣли.

У абадзеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носятъ корсетовъ; оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы.

Черкесскій женскій костюмъ чрезвычайно живописенъ. Поверхъ широкихъ, сжуженныхъ къ низу, шароваровъ, надѣвается длинная бѣлая рубашка изъ бязи (бумажнаго холста) или кисей, разрѣзанная на груди, съ широкими рукавами и съ небольшимъ стоячимъ воротничкомъ. По талии рубашка стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкой. Сверхъ рубашки надѣвается шелковый бешметъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Бешметъ шьется короче колѣна, съ короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застѣжками. На ногахъ легкіе красные, сафьянные чевяки, обшитые галуномъ; на головѣ круглая шапочка, съ небольшимъ околышемъ изъ смушекъ, обложенная серебрянымъ галуномъ; верхъ шапочки повить бѣлою кисейною чалмою, съ длинными концами, падающими за спину. Изъ-подъ шапочки вьются всегда распущенные по плечамъ волосы и придаютъ много прелести костюму и красотѣ дѣвушки.

Черкесскія дѣвушки очень цѣломудренны, не смотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкесскихъ женъ также довольно строга; но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдки, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Тамъ, несмотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того, шапсуги любили волокитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою и каждая должна была имѣть фаворита. Это служило вывѣскою достоинства женщины, и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему

мужчинѣ считается чувствомъ неприличнымъ, и надо скрывать ее въ тайнѣ. Но то, что позволялось женщинѣ, то считалось во все время постыднымъ для дѣвушки, и потому онѣ всегда тщательно сохраняли свое цѣломудріе. Съ раннихъ лѣтъ все мечты дѣвушки были направлены къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и чистою попасть въ его объятія. Малѣйшее увлеченіе со стороны мужчины приводило дѣвушку въ робость, и она съ неудовольствіемъ и страхомъ отталкивала отъ себя соблазнителя.

Черкесы вообще неопрятны; носятъ, не снимая съ плечъ, бешметы испещренные заплатами, и нагольные тулупы со множествомъ разнаго рода насѣкомыхъ; въ ихъ бараньей шапкѣ содержится чуть не цѣлый возъ сѣна, щенокъ, отрубей и множество другихъ веществъ. Бѣдность и недостатокъ въ одеждѣ такъ были велики у абадзеховъ, что только половина изъ нихъ имѣли рубашки, а остальные носили одну черкеску, не снимая съ плечъ. Дѣти, до десятилѣтняго возраста, особенно у крестьянъ, ходили или голыми, или въ одной рубашкѣ. Въ теплой одеждѣ и въ шубахъ нужда была такъ велика, что изъ трехътысячнаго сборища абадзеховъ, для одного набѣга на нашу линію, достигли до рѣки Лавы не болѣе тысячи человекъ, а остальные принуждены были возвращаться домой съ половины пути. Одежда абадзеховъ состояла, по преимуществу, изъ грубой бумажной ткани, вымѣниваемой ими у турокъ на женщинъ и дѣтей.

При такой бѣдности нельзя было и помышлять объ особенной чистотѣ. Черкесы высшаго класса и люди богатые держали себя гораздо чище, и между ними не встрѣчалось кожныхъ болѣзней. Во всехъ же сословіяхъ черкесскаго народа женщины отличались большею опрятностію, чѣмъ мужчины, не смотря на то, что исполняли почти все домашнія и грязныя работы. За неимѣніемъ бань, женщины безпрестанно полоскались въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣдныхъ тазахъ и содержали свою одежду въ исправности и чистотѣ.

Но жилище было не для мужчины, который рѣдко бывалъ дома, а обыкновенно проводилъ время въ набѣгахъ и разбояхъ.

Если же и былъ дома, то проводилъ весь день въ кунахской, гдѣ лежалъ или чистилъ оружіе, поправлялъ конскую сбрую, а чаще ничего не дѣлалъ. Въ минуты совершеннаго бездѣлья, онъ стругалъ пожемъ палочку или напѣвалъ пѣсню. Ему дѣла не было до того, что происходило въ семьѣ, съ которой онъ рѣдко видѣл-

ся и ходить къ женѣ только вечеромъ. На послѣдней лежала обязанность смотрѣть за хозяйствомъ. Она ткала сукно, холстъ и одѣвала дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Если у черкеса было нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ занимала отдѣльное помѣщеніе, имѣла особое хозяйство и поочередно обязана была готовить для мужа пищу и относить ему въ кунахскую.

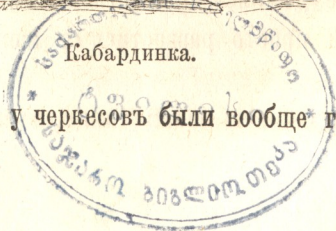
Кабардинка.

Семейныя отношенія у черкесовъ были вообще грубы и деспоти-

природа и люди. V.
1879.

R2350.278
309

R1224
3

чны, а отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства имѣлъ право не только лишить сына наслѣдства, но убить его, не подвергаясь за то ни передъ кѣмъ никакой отвѣтственности.

Жена могла бесѣдовать съ мужемъ только ночью, во время супружескихъ свиданій; присутствіе же мужа въ ея покояхъ днемъ считалось предосудительнымъ. Жена не имѣла права проститься съ умершимъ мужемъ; ей не позволялось быть въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Мертваго сына матери дозволялось видѣть, но близко подходить къ нему или проститься съ нимъ—нельзя.—По суровымъ и воинственнымъ нравамъ черкесовъ, считалось неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женою внѣ дома, а отцу ласкать дѣтей своихъ при постороннихъ.

Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродѣтели, ея нравственности, и мстили за оскорбленіе женщины жестоко. Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины или дѣвушки могла быть, впрочемъ, покончена миролюбивымъ соглашеніемъ, и тогда обидчикъ платилъ пеню изъ двадцати четырехъ головъ крупнаго скота; въ противномъ случаѣ, одно оружіе смывало безчестіе, и всѣ способы для удовлетворенія обиженнаго были позволительны. Нарушеніе супружеской вѣрности замужнею женщиною считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое влекло за собою нерѣдко смерть женщины, а иногда рабство. Участника въ подобномъ преступленіи также убивали. Казнить преступную жену предоставлялось самому мужу. Въ прежнее время, онъ обрѣзывалъ женѣ кончикъ носа и выгонялъ изъ дому. Въ этомъ отношеніи, виды наказаній женщины были чрезвычайно разнообразны и вполне предоставлены своею волю мужа. Онъ имѣлъ право убить преступную жену, не навлекая на себя кровомщениа и не дѣлаясь отвѣтственнымъ передъ ея родственниками. Онъ могъ и просто развестись съ женою, не подвергая ее наказанію.

Изъ увеселеній черкесы знали танцы, музыку и пѣніе.

Черкесы любят поэзію и пѣсни. Въ прежнее время у нихъ были поэты, гекоко—слагатели народныхъ пѣсенъ. Они были, по большей части, простолюдины и рѣдко знали языкъ священниковъ—людей грамотныхъ. Такіе поэты высоко были чтимы князьями и дворянствомъ; они ходили въ бой и были впереди войскъ. Князья любили имѣть при себѣ пѣвцовъ и гордились ими. Умѣнье сочинить пѣсню во всѣ времена глубоко уважалось.

Уважая поэтовъ-импровизаторовъ и благоговѣя передъ ними, черкесы не уважали самихъ пѣвцовъ, исполнителей народной поэзіи. Изъ высшаго класса никто не соглашался быть пѣвцомъ и заниматься этого рода профессією, хотя знаніе народныхъ пѣсенъ вмѣнялось каждому дворянину въ необходимость. Съ именемъ пѣвца черкесъ соединялъ понятіе о шутѣ или о канатномъ плясунѣ. Развѣзжая по ауламъ, пѣвцы собирали отъ жителей подаяніе, въ которомъ, большею частію, не нуждались вовсе и позволяли себѣ шутки и остроты, иногда весьма неблагопрістойныя. Впрочемъ, и между пѣвцами были такіе, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ, и если не могли поднять въ глазахъ народа своего званія, за то и не подвергали себя всеобщему посмѣянію.

Рожденіе ребенка не составляло у черкесовъ ни особенной важности, ни особенной радости; оно не сопровождается никакими особенными церемоніями. При рожденіи младенца его оставляли однѣ сутки на воздухѣ безъ всякаго прикрѣпленія. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или пріятелей, даритъ счастливому отцу корову, лошадь или овцу, смотря по состоянію, приноситъ хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы, и получаетъ за то право дать имя новорожденному. Имена новорожденнымъ даются совершенно произвольно. Вліятельные и богатые люди часто даютъ имена по названіямъ тѣхъ племенъ, у которыхъ воспитывается ихъ сынъ или живутъ сами: такъ встрѣчаются имена Бесленей, Убухъ и другія.

Давшій имя ребенку, у нѣкоторыхъ племенъ черкесскаго народа

считается какъ-бы вторымъ отцомъ новорожденнаго. На принесенныя имъ кушанья затѣвается пирушка, которая собственно и обозначаетъ семейную радость въ обыденной жизни горца.

Если новорожденный есть первенецъ, то отецъ мужа снимаетъ съ своей невѣстки носимую ею на головѣ небольшую шапочку съ околышемъ изъ смушекъ, повязываетъ ей голову косынкою и даритъ молодыхъ скотомъ или другимъ имуществомъ.

По прошествіи года, новорожденному мужскаго пола подносятъ оружіе, и если онъ его принимаетъ, то это считается признакомъ его воинственности, составляетъ истинное наслажденіе для родителей и часто служитъ поводомъ къ празднествамъ и различнаго рода увеселеніямъ.

Бѣдные черкесы воспитываютъ дѣтей дома, и тогда мальчикъ до семилѣтнаго возраста находится при матери, а послѣ этого поступаетъ въ распоряженіе отца, который учитъ его владѣть ножемъ, кинжаломъ, верховой ѣздѣ и военнымъ упражненіямъ.

Князь и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія, отдаютъ мальчика на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего къ одному изъ лицъ, принадлежащихъ другимъ обществамъ. Воспитатель ребенка носитъ названіе *аталыка*, и охотниковъ взять на себя эту обязанность бываетъ очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе и уважаемѣе отецъ новорожденнаго.

Принявшій ребенка на воспитаніе пріобрѣтаетъ всѣ права кровнаго родства, а потому понятно, отчего такъ много является лицъ желающихъ породниться съ вліятельнымъ или богатымъ княземъ. Связь по аталычеству считается у черкесовъ священною. Не только семейство аталыка становится роднымъ своему воспитаннику, но часто случается, что жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считаютъ себя аталыками воспитаннаго между ними ребенка знатной фамиліи.

Черкесы рѣдко рано выдавали дочерей замужъ, и предоставляли

часто имъ право самимъ выбрать жениха. На аульныхъ свадьбахъ дѣвушка можетъ видѣть молодыхъ людей, которые въ свою очередь, давали ей замѣтить свою любовь взглядами и выстрѣлами въ честь ея, когда она танцевала; но разговоръ и какія-бы то ни было объясненія съ дѣвушкою не допускаются. Черезъ друзей и довѣренныхъ лицъ молодой человѣкъ узнаетъ чувства дѣвушки, и тогда уже сватается. Хотя въ большей части случаевъ родители и не препятствуютъ дочери выбирать жениха, но случается нерѣдко, что, давъ слово одному, способствуютъ и другому, болѣе богатому и знатному въ похищеніи своей дочери, а дѣвушка разъ похищенная, становится женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя рѣдко, но случалась у черкесовъ и вызывала, со стороны обиженнаго жениха кровавыя мщенія.

По основнымъ началамъ гражданскаго и уголовнаго права черкесовъ, невѣста составляетъ неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, когда невѣста находилась еще въ домѣ родителей, она была похищена другимъ, то женихъ не только въ правѣ преслѣдовать похитителя, но обязанъ мстить ему. Такое оскорбленіе принадлежитъ къ числу нестерпимыхъ обидъ и, для возстановленія своей чести, женихъ, по обычаю страны, долженъ рѣшиться на самыя крайнія мѣры, чтобы только получить удовлетвореніе. Ссоры подобнаго рода вызывали всегда со стороны обиженнаго ужасныя сцены. Родители, содѣйствовавшіе похищенію, лишались калыма (выкупа за дочь), а невѣста принадлежала по праву первому жениху, если похититель не успѣвалъ на ней жениться.

Сутки, проведенныя дѣвушкою въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Тогда никто не въ правѣ отнять ее и дѣло обыкновенно кончается третейскимъ судомъ который назначаетъ калымъ (выкупъ), слѣдующій въ уплату семейству. Плата назначалась соразмѣрно достатку жениха, и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось - бы заплатить, если - бы онъ вздумалъ жениться путемъ обыкновеннаго сватовства.

Сватовство съ колыбели хотя весьма рѣдко, но случается и у черкесовъ; обыкновенно вскорѣ послѣ рожденія дочери, друзья условливаются, что когда у одного вырастетъ сынъ, а у другаго дочь достигнетъ совершеннолѣтія, то сочетать ихъ бракомъ. Проходило время; молодые люди, обрученные словами родителей, подростали, не подозрѣвая, что судьба ихъ рѣшена. Съ наступленіемъ мальчику 17, а дѣвушкѣ 16 лѣтъ имъ объявляли о скоромъ счастіи ихъ ожидающемъ, и несчастные, часто не выдавшіе другъ друга, исполняютъ волю своихъ родителей.

Послѣ сватовства, спустя нѣкоторое время, происходятъ смотрины и обрученіе.

Въ назначенный день женихъ является въ домъ невѣсты и проводитъ время среди пиршества, сопровождаемаго обильнымъ количествомъ яствъ, вина, пляскою и пѣніемъ.

Съ наступленіемъ вечера, подруги наряжаютъ невѣсту, выводятъ ее къ пирующимъ и ставятъ противъ жениха. Присутствующіе медленно подвигаютъ невѣсту къ жениху, и когда они достаточно приблизятся другъ къ другу, тогда гасятъ огонь въ комнатахъ и соединяютъ ихъ руки. Въ этомъ собственно и состоитъ обрядъ обрученія, при которомъ родители невѣсты не присутствуютъ.

Послѣ обрученія женихъ приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты для того, чтобы условиться о калымѣ, т. е. выкупѣ, платимомъ обыкновенно женихомъ родителямъ невѣсты.

Каждый черкесъ женится внѣ своего дома; невѣста привозится обыкновенно въ домъ уважаемаго человѣка, гдѣ и совершается бракосочетаніе. Затѣмъ, если мужъ новобрачной имѣетъ родителей или старшаго брата, то удаляется въ домъ одного изъ своихъ пріятелей и оттуда, въ сопровожденіи молодаго человѣка, посѣщаетъ свою супругу, но не иначе, какъ по захожденіи солнца.

Вообще у всѣхъ черкесовъ, кромѣ христіанъ, мужу дозволяется видѣться съ женою только тайкомъ, прокрадываясь ночью на сви-

даніе, какъ воръ, и, сохрани Богъ, если разсвѣтъ застанетъ его въ саклѣ жены. Тогда молодежь, узнавшая объ этомъ, сейчасъ же начинаетъ въ насмѣшку стрѣлять по трубѣ женской сакли и сбивать ее пулями до самой крыши. Обычай этотъ особенно строго соблюдается въ первые дни женитьбы. Видѣть жену днемъ, входить къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствіи другихъ считается предосудительнымъ: это могъ позволить себѣ только простолюдинъ, и то пожилой, но князь и дворянинъ—никогда.

Когда черкезь умираетъ, то въ саклю сходятся всѣ родственники и знакомые умершаго, оплакиваютъ его, бьютъ себя въ грудь и голову, царапаютъ лицо и тѣмъ выказываютъ свою горестъ. Такія знаки глубокой печали оставляютъ на себѣ преимущественно жена и родственники покойнаго. Случается часто, что синія пятна отъ ударовъ по тѣлу и жестокія раны на изувѣченныхъ мѣстахъ долгое время свидѣтельствуютъ о горести постигшей семейство.

Всѣ женщины аула считаютъ своею обязанностію приходить въ саклю умершаго, чтобы умножить скорбь и увеличить число плачущихъ. Приходящіе начинаютъ свой протяжный вопль, не входя въ домъ, съ плачемъ входятъ въ домъ, но, подойдя къ тѣлу покойника, остаются тамъ недолго. Плачъ посѣтителей прекращается только по выходѣ изъ дома умершаго, или же по просьбѣ стариковъ, занятыхъ приготовленіемъ тѣла къ погребенію.

Жители побережья Чернаго моря, и вообще не магометане, не сопровождали похоронъ никакими религіозными обрядами. Покойника зашивали въ холстъ, относили на кладбище, головою впередъ, и зарывали безъ всякой молитвы.

Абадзехи закрывали покойника доскою, засыпали ее землею, а поверхъ ея наваливали камня. По понятіямъ ихъ, камень, положенный на могилѣ покойнаго, помогутъ ему затушить вѣчный огонь

въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду».

Присутствующіе на похоронахъ возвращаются въ саклю покойнаго, въ которой, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, разстилають цыновку, кладутъ на нее подушки, и, если покойникъ былъ мужчина, то на подушкахъ размѣщаютъ оружіе и кисеть съ табакомъ. Желашіе приходятъ во всякое время оплакивать покойника, набиваютъ трубку даровымъ табакомъ, и, покуривъ ее проводятъ, такъ время, сидя или лежа на цыновкѣ. Эта церемонія продолжается, смотря по состоянію родныхъ умершаго, иногда недѣлю, мѣсяць, а иногда и годъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока родные не успѣваютъ приготовить достаточный запасъ для послѣднихъ поминокъ, продолжающихся, по большей части, около трехъ дней.

Обычай оплакиванія существовалъ прежде и между черкесами магометанами, но въ послѣднее время духовенство запретило громкія изъявленія горести и преслѣдовало пѣсни, поминки и джигитовку.

Теперь, послѣ смерти магометанина - черкеса, тотчасъ же призываютъ муллу, который вмѣстѣ съ своими учениками и помощниками, моетъ тѣло. На покойника надѣваютъ родъ савана или мѣшка, открытаго съ обоихъ концовъ и извѣстнаго подъ именемъ *кефрина*. Тѣло вымываютъ самымъ тщательнымъ образомъ такъ, что даже обрѣзаютъ покойному ногти. Тѣло женщины моютъ и готовятъ къ погребенію старухи.

Со дня смерти родственники чуждаются увеселеній, сохраняютъ печальный видъ и, одѣвшись въ трауръ, носятъ его: жена по мужу и аталыкъ по своему питомцу въ теченіи года, причемъ первая во все время траура не можетъ спать на мягкой постели; мужъ же, по народному обычаю, не долженъ плакать о смерти жены, и если высказываетъ свою печаль во время болѣзни или смерти ея, то подвергается всеобщимъ насмѣшкамъ.

ՀԱՐՍՏԵԱՆ
ԵՐԵՎԱՆԻ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

СУРАМСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

Въ прежнее время на седьмой день совершались первыя поминки, а на сороковой день вторыя. Третьи или большія поминки совершались иногда въ шестидесятый день со дня смерти, но преимущественно по истеченіи года. На первыхъ двухъ поминкахъ читали коранъ, потомъ пили, ѣли, и, насытившись вдоволь, расходились по домамъ.

Суровая, но величественная природа породила въ горахъ вѣру въ существованіе множества духовъ: каждая рѣчка имѣетъ свою богиню (гоуаше), многія ущелья—своихъ духовъ. Нѣкоторые туземцы рассказываютъ, что существуютъ богини покровительницы ворожей и колдуній, и что послѣднія обращаются съ мольбами къ какимъ-то тремъ божественнымъ сестрицамъ (тхашерейихъ-шерейрхумъ). У черкесовъ существуютъ и русалки, которыхъ они представляютъ себѣ прекраснѣйшими и очаровательными женщинами.

Среди суевѣрія черкесскаго народа особенно важную роль играютъ гадальщицы и колдуньи, или вѣдьмы. Гаданьемъ обыкновенно занимаются старухи, къ помощи которыхъ чаще всего прибѣгаютъ несчастные влюбленные.

Если, съ одной стороны, подобныя гадальщицы возбуждаютъ удивленіе и уваженіе къ себѣ суевѣрнаго народа, то, съ другой стороны, черкесы жестоко преслѣдуютъ колдуновъ и вѣдьмъ. Такихъ людей они называютъ удде, признаютъ ихъ злыми и истребляющими своихъ собственныхъ дѣтей. Удде можетъ быть и мужчина, и женщина; послѣднія бывають чаще. Онѣ находятся въ сношеніи съ нечистымъ и могутъ послать на человѣка всякую невзгоду. Изнурительныя дѣтскія болѣзни, зараза, падежь скота и прочія несчастія приписывались дѣйствию дурнаго ихъ глаза. Поймать колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія нѣтъ возможности, потому что, по понятію черкеса, они, при помощи нечистаго духа, имѣють способ-

ность превращаться въ собакъ, кошекъ, волковъ и даже дѣлаться невидимками.

Въ заключеніе сказаннаго о суевѣрїи черкесскаго народа нельзя не упомянуть о томъ страхѣ, который успѣли внушить народу мульты относительно картинъ всякаго рода, въ особенности портретовъ и вообще изображенія человѣческихъ фигуръ.

Очерки животныхъ, цвѣтовъ и разнаго рода видовъ черкесы еще переносятъ, но какъ только увидятъ запрещенные кораномъ суреты — какъ они называютъ картины — съ изображеніемъ фигуры человѣка, такъ тотчасъ же стараются соскоблить или замарать ихъ.

— Откуда берешь ты смѣлость, сказалъ однажды черкесъ своему русскому плѣнному, такъ сходно изображать человѣка созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебѣ покой, требуя для себя безсмертной души; а откуда ты ее возьмешь?...

И. А Б Х А З Ц Ы ИЛИ А З Е Г А.

Характеръ страны и народный бытъ.

Хребетъ Кавказскихъ горъ, постепенно удаляясь отъ Чернаго моря, даетъ мѣсто прекраснѣйшимъ, плодороднымъ равнинамъ. Обнаженныя горы и скалистый берегъ, пересѣкаемый множествомъ ущелій, не даютъ здѣсь путника. Напротивъ, онъ видитъ передъ собою вѣчно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самыя высокіе отроги горъ, спускающіеся къ морю и покрытые большою растительностію.

Эта благодатная страна населена племенами абхазскими, или племенем азега, которое, подобно черкесамъ, подраздѣляется на множество мелкихъ племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями. Всего въ абхазскомъ населеніи можно считать около 200,000 душъ.

Занимая пространство верстъ на 30 въ ширину и около 120 верстъ въ длину, Абхазія составляетъ одинъ изъ рѣдкихъ и прекраснѣйшихъ уголковъ Закавказья, по богатству и разнообразію природы. Здѣсь есть горы, съ покрытыми вѣчно снѣжными вершинами, и вѣчно зеленѣющія долины, бездонныя пропасти съ шумными водопадами, непроходимые дѣвственные лѣса со множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, и, наконецъ, Черное море — съ гаванью Сухумомъ, гдѣ на берегу, подъ открытымъ небомъ, вы встрѣтите въ апрѣлѣ цвѣтущія деревья чая и другія тропическія растенія.

Равномѣрное распредѣленіе тепла и обиліе влажности дѣлають почву весьма плодородною, отличающеюся разнообразіемъ и грандіозностію растительности. Рядомъ съ сосною въ Абхазіи растетъ маслина, шелковичное и чайное дерево.

Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и по склонамъ горъ, въ особенности около Сухума, растетъ буковое дерево и лавръ, сохраняющіе зелень круглый годъ. Въ казенномъ саду Сухума растутъ въ грунтѣ и даютъ цвѣты камеліи и мирты.

Богатая, производительная сила природы даетъ средство расти винограду въ большомъ изобиліи и почти безъ всякаго ухода. Абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на большія деревья, и, въ такомъ видѣ онѣ, сами собою, достигаютъ до гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ абхазца по уходу за виноградомъ, который всетаки выходитъ хорошаго качества. Приготовленное, самымъ первобытнымъ способомъ, изъ такого винограда, вино, въ особенности извѣстное прежде подъ именемъ бомборскаго, а теперь выдѣлываемое въ селеніи Лехне (Соукъ-су), выво-

зится въ значительномъ количествѣ и имѣеть хорошій сбытъ въ Крыму.

Такая роскошь природы доставила абхазцу возможность, не прикладывая труда, пользоваться обильными ея плодами. Стада рогатого скота, табуны лошадей и отары овецъ круглый годъ питаются подножнымъ кормомъ, то подымаясь на горныя возвышенности, убѣгая отъ лѣтнаго зноя долинь, то спускаясь въ ущелья и равнины подъ защиту горъ и лѣса отъ зимней стужи и непогоды.

Та-же лѣнь препятствуетъ абхазцу заняться, какъ слѣдуетъ, и земледѣліемъ. Онъ не спѣшитъ, съ наступленіемъ весны, взяться за плугъ или соху, чтобы вспахать свое поле и засеять его; онъ даже не имѣеть и понятія, что такое плугъ. Воздѣлываніе своего участка земли онъ производитъ или просто заступомъ, или сохою, съ особымъ деревяннымъ лемешомъ, составляющимъ исключительное изобрѣтеніе и принадлежность только одной Абхазіи. Вырубивъ дерево съ изогнутымъ пенькомъ, туземець заостряетъ пенькъ клиномъ, «къ длинному концу придѣлываетъ приспособленіе изъ веревокъ для тяги, и такимъ орудіемъ, съ помощію буйволовъ, бороздитъ землю.

Поступая такимъ образомъ, абхазецъ не боится неурожая. Онъ знаетъ, что жена его, на которой лежать всѣ тяжелыя работы, вскопаетъ такимъ способомъ, и кое-какъ, около его дома пол-десятины, а на этой пол-десятинѣ Богъ даруетъ ему столько кукурузы и гоміи (родъ проса), что его будетъ слишкомъ достаточно на годовую порцію всей его семьи.

Богатая природа Абхазіи должна-бы была служить источникомъ богатства, довольства и даже роскоши для ея жителей, но, въ дѣйствительности, она служитъ для туземца лишь причиною крайней бѣдности. Увѣренный въ ея производительности, абхазецъ предается крайней лѣни. Онъ или, вѣрнѣе, его жена засеиваетъ поле въ такомъ скудномъ количествѣ, что, при огромныхъ урожаяхъ, едва можетъ прокормить свое семейство до новаго хлѣба.

Абхазецъ въ теченіе года работаетъ много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводить въ безпечной бродяжнической жизни. Прибрежные жители занимаются рыбною ловлею, преимущественно у устья горныхъ рѣкъ, изобилующихъ лососиною, которая жарится, обыкновенно, на вертелѣ и составляетъ весьма лакомую пищу. Лѣтомъ, около морскихъ береговъ появляется множество дельфиновъ, которые въ хорошую погоду держатся на поверхности воды и играютъ, вертясь колесомъ. Жители Абхазіи пользуются этимъ временемъ, выѣзжаютъ въ море на своихъ каюкахъ, лодкахъ, выдолбленныхъ изъ одного куска дерева, охватываютъ довольно большое пространство длинною сѣтью, съ поплавками на верху и тяжестью внизу, заставляющими ее сохранять въ водѣ вертикальное положеніе. Въ средину охваченнаго пространства выѣзжаютъ дватри каюка и ловцы бьютъ баграми находящихся въ немъ дельфиновъ, жиръ которыхъ продается туркамъ и грекамъ. «Этотъ способъ ловли не безопасенъ, потому-что каюки иногда тонуть подъ тяжестью добычи и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ, кружась въ водѣ; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго океана».

Деревень, въ европейскомъ смыслѣ, не встрѣчается въ Абхазіи. Населеніе не сосредоточивается въ дружныхъ, скученныхъ жилищахъ, а, напротивъ того, каждая сакля, со своими незатѣйливыми службами и небольшими огородами, стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ связи съ другими. Деревня, не смотря на то, что абхазцы живутъ небольшими группами, отъ пяти до десяти семействъ, разсыпается по холмамъ и косогорамъ на значительное разстояніе, и оттого мѣстность принимаетъ видъ огромнаго и великолѣпнаго парка, посреди котораго какъ будто устроены лачужки для сторожей. Дорога рѣдко когда идетъ мимо жилища, и случается, что проѣзжіи, находясь посреди деревни, не видятъ ни одного строенія.

Дома въ Абхазіи похожи на плохо устроенную корзину, въ которой сучья деревьевъ до такой степени дурно переплетены между собою, что образуютъ множество отверстій, въ которыя можно просунуть кулакъ. Сплета себѣ изъ хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, кѣлѣтушку, накрывъ ее сверху камышемъ, кукурузными листьями или, наконецъ, папоротникомъ, абхазецъ считаетъ, что построилъ себѣ домъ, лучше котораго и желать нечего. Передъ дверью онъ дѣлаетъ небольшой навѣсъ; внутри, у одной изъ стѣнъ—очагъ съ такою-же плетеною трубою, и сакля готова. Въ ней онъ проваливается кое-какъ зиму, лежа около очага на войлокѣ или буркѣ, и лучшаго помѣщенія онъ не желаетъ и не ищетъ. Постройка такой сакли стоитъ одной коровы. Низенькая перегородка дѣлитъ саклю на двѣ половины, которыя, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчинъ, другая—для женщинъ, или большая для людей, меньшая — для скота. Съ двухъ сторонъ, по стѣнамъ сакли, ставятся длинныя, деревянные скамьи, изъ которыхъ на одной лежитъ перина или войлокъ: — это мебель сакли. Посрединѣ, на земляномъ полу, раскладывается костеръ и служитъ для обогрѣванія семейства; надъ костромъ виситъ желѣзная цѣпь съ крючкомъ, для поддерживанія котла. Свѣтъ костра, сквозя черезъ стѣны, освѣчивается ночью на деревьяхъ красноватымъ цвѣтомъ и, смѣшиваясь съ мириадами свѣтляковъ, искрящихся въ землѣ, представляетъ издали довольно фантастическую картину. Въ углахъ стоятъ сундуки, преимущественно краснаго цвѣта, окованные желѣзомъ и заключающіе въ себѣ все фамиліное имущество; возлѣ нихъ стоитъ кадка съ кислымъ молокомъ, любимымъ напиткомъ туземца. На дыривыхъ стѣнахъ, надъ нарами, виситъ оружіе: ружье въ чехлѣ, шашка и кинжалъ; тутъ-же прилеена какая-нибудь грубая лубочная картинка, изображающая черта съ двумя рогами и глупо растопыренными руками, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Надъ го-

ловами протянута веревка, через которую перекинута платья и разнаго рода тряпки.

Неподалеку отъ такого дома видна еще елѣтушка или корзина, величиною до одной кубической сажени—это амбаръ абхазца. Онъ сплетенъ также изъ сучьевъ и поставленъ на четырехъ столбахъ, до одной сажени высоту. Последнее необходимо для предохраненія небольшихъ запасовъ хлѣба отъ истребленія его мышами и крысами.

Дома князей, зажиточныхъ и извѣстныхъ дворянъ отличаются нѣсколько большимъ удобствомъ. Жилища такого рода составляютъ два строенія: большое—асасайра (гостиная) и малое—апхора. Вообще, жилище абхазца бѣдно и не чисто, а сами жители крайне нечистоплотны; даже богатые абхазцы не очень заботятся о чистотѣ въ одеждѣ, въ домѣ.

Одежда абхазца весьма близко подходитъ къ черкесской, но абхазецъ чисто и щегольски никогда не одѣвается. На немъ почти всегда надѣта оборванная, вѣчно дырявая подъ мышкою черкеска, сшитая изъ грубаго сукна домашняго приготовленія; узкое, короткое нижнее платье, съ ноговицами другаго цвѣта, остроконечная шапка всегда прикрытая башлыкомъ, и рыжая бурка — вотъ и весь его костюмъ. Жители селеній, ближайшихъ къ Мингрелии, носятъ иногда мингрельскія и имеретинскія шапочки, но предпочитаютъ, впрочемъ, свой національный костюмъ. На ногахъ, не всегда однако-же, туземецъ носитъ пастолы — обувь, средняя между русскимъ лаптемъ и турецкимъ башмакомъ. Пастолы изготовляются изъ сырой кожи, прикрѣпляются къ ногѣ ремнями и вооружены шпорою. Князья носятъ черныя или красныя черкесскія чевяки.

Абхазецъ вооруженъ кинжаломъ, который носитъ за поясомъ, шашку — у бедра, ружье—за плечами; а на поясъ онъ надѣваетъ пороховницу и металлическій ящичекъ, въ которомъ онъ носитъ сало для смазыванія пуль.

Цвѣтъ лица его смуглый, ростъ средній, волосы черны и перепутаны, вся фигура костиста и сухошава; большинство мужчинъ брѣетъ головы. Жители Сухума и его окрестностей имѣютъ цвѣтъ лица блѣдно-желтоватый.

Красота мужчинъ въ Абхазіи преобладаетъ надъ красотою женщинъ, тогда какъ у абазинъ наоборотъ. Тамъ женщины и дѣвушки прекрасны въ полномъ значеніи этого слова; онѣ рослы и стройны до очарованія. Здѣсь между женщинами встрѣчается много лицъ замѣчательной красоты.

Турки, скупая горскихъ красавицъ, предпочитали всѣмъ другимъ абазинкамъ и черкешенкамъ.

Женщины въ Абхазіи, какъ и вездѣ, гораздо чистоплотнѣе и опрятнѣе мужчинъ. Исполняя всѣ полевые и черныя работы, и занимаясь всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, абхазки одѣты въ чистое ситцевое платье, покроемъ своимъ подходящее къ европейской одеждѣ, и бѣлыя покрывала.

Абазины вообще не имѣли привычки скрывать своихъ женщинъ, но въ Абхазіи помѣщики и князья, придерживаясь магометанскому обычаю, скрываютъ своихъ женъ отъ посторонняго глаза и показываютъ даже и врачу ручку своей больной жены не иначе, какъ сквозь прорѣзанное въ ширмѣ отверстіе. Жены-же простыхъ крестьянъ показываются довольно свободно, а молодыхъ дѣвушекъ и вовсе не прячутъ.

Незамужнія женщины у крестьянъ не закрываютъ свои лица и черные, острые глаза; а замужнія, хотя и обязаны закрываться, но при встрѣчѣ съ мужчиною, показываютъ только желаніе прикрыть себя платкомъ или руками, но на дѣлѣ не исполняютъ и этого. Всѣ женщины заплетаютъ волосы въ косу и повязываютъ голову платкомъ, носятъ шали или греческія курточки и обуваются въ аккуратно сшитые чевяки собственной работы. Женщина-абхазка ловко ѣздитъ верхомъ на мужскомъ сѣдлѣ, потому-что обѣ экипажахъ,

ЧЕРКЕССКАЯ ДЖИГИТОВКА.

кромѣ своей неуклюжей, двухъ-колесной арбы, абхазецъ не имѣеть понятія.

Красивыхъ женщинъ въ Абхазіи мало, и онѣ вообще весьма скоро старѣются. Въ нихъ нѣтъ граціи, деликатности, нѣжности и свободы. Отъ тяжелыхъ работъ, которыя исполняетъ женщина въ домашнемъ быту, она огрубѣла, а постоянно висящая надъ нею власть мужа, который имѣеть надъ женою право жизни и смерти, сдѣлала то, что во всѣхъ ея движеніяхъ и поступкахъ выказывается что-то робкое, нерѣшительное.

Абхазецъ.

Въ прежнее время турки въ большомъ числѣ вывозили абхазскихъ женщинъ, и вывезли лучшіе типы. На долю абхазца осталась посредственность, весьма скоро старѣющаяся.

Подобно черкесамъ, абхазцы сжимають грудь молодыхъ дѣвужекъ особымъ корсетомъ.

Религія и обычаи.

Все народонаселеніе абхазскаго племени, въ религіозномъ отношеніи, дѣлится на три части: православныхъ христіанъ, магометанъ и язычниковъ, или людей, не исповѣдующихъ никакой религіи, а поклоняющихся божествамъ, ими самими созданнымъ.

У жителей собственно Абхазіи точно также остались слѣды вѣрованій всѣхъ народовъ, господствовавшихъ надъ ихъ страню. Какъ христіанинъ, такъ и магометанинъ, одинаково исполняютъ только наружные обряды своей религіи, да и тѣ въ искаженномъ видѣ; въ сущность своей религіи ни одинъ абхазецъ никогда не считалъ нужнымъ заглядывать.

При всѣхъ усиліяхъ, турки, во время владѣнія краемъ, не могли совершенно изгладить изъ памяти народа воспоминаніе христіанства, но магометанская религія хотя, и не имѣла въ краѣ значительнаго успѣха, все-таки поколебала христіанство.

Православную вѣру теперь исповѣдываютъ всѣ члены владѣтельнаго дома, за исключеніемъ одного бѣднаго и небольшого семейства, живущаго въ Пицундскомъ округѣ и придерживающагося исламизма. Между дворянами седьмая или восьмая часть христіане, а остальные магометане. Изъ крестьянъ — пятая часть христіанъ, пятая — магометанъ, а три пятыхъ язычники. Изъ этого видно, что магометанское ученіе, въ свою очередь, не нашло много ревностныхъ послѣдователей, и господствующею религіею въ странѣ всетаки осталась языческая, къ которой принадлежитъ и теперь большая часть народонаселенія.

Какъ правила христіанской религіи плохо исполняются туземцами, также точно исполняется ими и коранъ Магомета. Рѣдко абхазецъ ходитъ въ православную церковь, а еще рѣже показывается

въ мечети. Абхазецъ-христіанинъ не считаетъ грѣхомъ подкараулить гдѣ-нибудь, въ скрытномъ мѣстѣ, и убить челоуѣка изъ-за пустой мести, по нѣскольку лѣтъ не быть на исповѣди и у св. причастія, и ѣсть постное только при недостаткѣ скоромнаго. Съ другой стороны, абхазецъ-магометанинъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ свинину, пьетъ вино, не соблюдаетъ постовъ, не терпитъ многоженства, но за то позволяетъ себѣ мѣнять женъ при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, совершаетъ намазъ тогда, когда ему нравится, а больше всего тогда, когда находится въ обществѣ уважаемаго имъ турка.

Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся къ религіи, что она ни въ какомъ отношеніи не налагаетъ различія между жителями.

Въ одномъ и томъ-же семействѣ можно встрѣтить весьма часто и христіанина, и магометанина, живущихъ между собою въ совершенномъ согласіи. Мусульманинъ не чуждается брака съ христіанкою, и послѣ того каждый сохраняетъ свою религію. Во многихъ семействахъ часть дѣтей слѣдуетъ христіанскому ученію, другая — магометанскому, безъ всякихъ семейныхъ раздоровъ.

Такое тѣсное сближеніе двухъ противоположныхъ религіи, во избѣжаніе соблазна и разныхъ недоразумѣній, заставило христіанъ и магометанъ праздновать вмѣстѣ Рождество Христово, Пасху, Духовъ день, совершать байрамъ, поститься въ рамазанъ и великій постъ.

Суевѣріе и языческіе обряды проявляются во всѣхъ праздникахъ, гдѣ жертвоприношенія, какъ главный догматъ религіи, составляютъ непремѣнную принадлежность.

Св. Георгій пользуется особымъ почтеніемъ между всеми абхазцами, какого-бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждаго хозяина есть въ стадѣ лучшая корова съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ

винограднымъ сокомъ. Вино это и приплодъ отъ коровы назначаются для жертвоприношенія Св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телочкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка.

Абхазцы, всёхъ исповѣданій, вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія и передъ иконами монастырей Пицундскаго и Иллорскаго, не избѣгнетъ наказанія. На этомъ основана у нихъ и клятва въ важныхъ случаяхъ.]

Въ народѣ укоренилось безчисленное множество суевѣрій и предразсудковъ, неразрывныхъ съ понятіями людей невѣжественныхъ, грубыхъ и дикихъ.

Гонить-ли пастухъ свое стадо на лѣто въ горы, или спускаетъ ихъ оттуда осенью—онъ, по народному обычаю, приноситъ жертву Афѣ (богъ грома, молніи и вообще всёхъ атмосферическихъ явленій), закалываетъ барана, прося бога предохранить его стада отъ громоваго истребленія. Мясо принесенной жертвы употребляется въ пищу лицомъ, приносившимъ жертву. Случится-ли въ Абхазіи засуха — народъ обращается съ просьбою къ дѣвушкамъ добыть имъ дождя. Одѣвшись въ лучшія свои платья и раздѣлившись на три части, дѣвушки идутъ тогда къ рѣчкѣ, гдѣ одна часть устраиваетъ изъ вѣтвей плоть, другая подноситъ къ плоту сухую солому, а третья занимается приготовленіемъ куелы, въ видѣ женщины. Затѣмъ приводятъ эшака, покрываютъ его бѣлою простынею и сажаютъ на него куклу. Одна изъ присутствующихъ беретъ за поводъ узды, двѣ становятся съ боковъ эшака, для поддерживанія куклы, а остальные, раздѣлившись на двѣ части, становятся по обѣ стороны эшака, и въ такомъ видѣ ведутъ его къ плоту.

— Воды дашь! воды дашь! поють они хоромъ, воду дождевую маргаритку красную, сынъ владыки (или владѣтеля жаждетъ немного воды, немного воды). (Дзивау дзывава, дзири ква ква, мыкрылдъ апшь ахъ, и на дыдышвойтъ дзы-хучикъ, дзы-чучикъ).

У плота снимають съ эшака куклу, сажаютъ ее на плоть, зажимають на немъ солому и, въ такомъ видѣ, пускають его по теченію воды. Потомъ заставляютъ эшака выкупаться въ той-же рѣчкѣ, и какъ онъ всегда противится этому, то дѣвушки вгоняють его хлыстами. Переплывъ рѣку и выйдя на противоположный берегъ, эшакъ почти всегда начинаетъ ревѣть, что принимается за хорошій признакъ, и дѣвушки увѣряють себя, что дождь непременно будетъ, и радостно возвращаясь домой, поють народныя пѣсни.

Подобно сосѣдямъ своимъ, черкесамъ, абхазцы признають существованіе различнаго рода духовъ и вѣрятъ въ существованіе духа покровителя горъ.

Суевѣріе народа обезпечило существованіе женщинъ — гадальщицъ, ворожей и знахарокъ. Такая старуха есть въ каждомъ аулѣ: она и лекарка, сваха, бабъа и гадальщица. Онѣ лучшія посредницы во всѣхъ горскихъ любовныхъ похожденияхъ. Передать тайну юной горянки предмету ея страсти — молодому наѣзднику; добыть травы силотворной или питья, зелья приворотнаго, на случай, еслибы понадобилось завербовать чье-нибудь сердце, это ихъ дѣло.

Придавая большое значеніе гаданію, абхазцы вѣрятъ въ существованіе колдуновъ, вѣдмъ и водяныхъ. Послѣдніе носятъ названіе дзызла и водятся въ омутaxъ, рѣкахъ и особенно подъ мельницами.

Абхазецъ вообще грубъ и невѣжественъ; въ немъ нѣтъ стойкости и твердости характера; онъ непостояненъ, не смѣлъ и даже робокъ, вѣроломъ, остороженъ и всегда покоренъ передъ сильнѣйшимъ.

Ума у абхазцевъ немного, и къ тому-же они мало способны къ умственному развитію; но у нихъ много практическаго смысла, и тотъ небольшой кругъ понятій, который имъ доступенъ, разработанъ ими отлично.

Вся цѣль, вся жизнь абхазца направлена, по большей части, на при-

обрѣтеніе, по возможности даровое, какихъ-либо вещественныхъ выгодъ. Отличительныя черты его: воровство, корыстолюбіе въ самыхъ мелочныхъ размѣрахъ, и отсутствіе честнаго труда и любознательности. Воровство считается молодечествомъ и удалствомъ. Самымъ лучшимъ человѣкомъ въ краѣ считается тотъ, кто произвелъ болѣе разбоевъ и убійствъ. Вся слава состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, изъ одной засады въ другую, воровать имущество неосторожныхъ лицъ, ихъ скотъ, а при удачѣ и самихъ поселянъ, для продажи въ неволю.

— Ты еще, кажется, ни одной лошади не сдумѣлъ украсть, говоритъ часто въ укоръ дѣвушка молодому парню — ни одного плѣннаго не продалъ.

— Помоги тебѣ Богъ, говоритъ мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ пашку, — помоги тебѣ Богъ этою пашкою приобрести много добычи и днемъ, и ночью.

Характеръ абхаза глубоко испорченъ. Не смотря на эту испорченность, на многія безнравственныя черты въ народѣ, нельзя все таки отрицать въ немъ извѣстной доли благородства.

Князья и дворяне, въ особенности тѣ, которые получили воспитаніе, вѣжливы и честны.

Вообще абхазцы держатъ себя свободно, говорятъ съ каждымъ безъ стѣсненія, подбоченившись или опершись на ружье. Гордость и сознаніе собственнаго достоинства проглядываютъ во всѣхъ движеніяхъ абазинскаго племени, которое отличается большою суровостью и воинственностью.

Не смотря на нѣкоторую наружную свободу, предоставленную женщинѣ, она, въ полномъ смыслѣ, раба своего мужа и, въ крестьянскомъ быту, выполняетъ всѣ тяжелыя работы. Какъ въ Абазіи, такъ и въ Абхазіи одинаково смотрятъ на женщину, которая, въ глазахъ мужа, не болѣе, какъ старшее въ домѣ рабочее животное, о которомъ можно гораздо менѣе заботиться, чѣмъ о лошади. Женщи-

на не знает ласкъ ни мужа, ни сыновей, которые, по большей части, со дня рожденія, отрываются отъ груди матери и отдаются на воспитаніе въ чужія руки, въ чужой домъ, и даже внѣ своей родины. Чувство сыновней любви не можетъ развиваться въ такихъ дѣтяхъ, и она неизвѣстна абхазцамъ. Жена не можетъ вступать съ мужемъ въ разговоръ, пока ее не спросятъ; не имѣетъ права сидѣть при немъ и при постороннемъ лицѣ; не получаетъ даже отъ мужа непосредственныхъ приказаній, а всегда черезъ кого-нибудь другаго. Услыша голосъ мужа издали, она обязана выйти къ нему на встрѣчу и ожидать его стоя, держать его коня, разсѣдлатъ и присмотрѣть за нимъ.

Не смотря на то, что женщина проводитъ всю свою жизнь подъ гнетомъ мужа, удивительная чистота нравовъ — принадлежность женщины всѣхъ племенъ абхазскаго народа. Ни рабство, ни тяжкіе труды не могутъ заставить жену забыть свой долгъ и измѣнить мужу. Подобная измѣна влечетъ за собою или смерть отъ руки мужа, или продажу въ неволю. Если гдѣ и встрѣчается измѣна, то въ приморскихъ мѣстечкахъ, гдѣ всегда находятся такіа почтенныя старушки, которыя помогаютъ своимъ пріятельницамъ водить за носъ мужей.

Въ нравственномъ отношеніи женщина стоитъ всетаки неизмѣримо выше мужчины. Послѣдній знаетъ это, и, не смотря на то, что оказываетъ презрѣніе женщинѣ, онъ внутренно гордится ея нравственною чистотою.

Не связанный никакими особенными понятіями о религіи, абхаецъ видитъ въ бракѣ средство избавиться отъ труда и передать его женѣ. Въ силу такой точки зрѣнія на бракъ въ Абхазіи установился обычай не жениться на дѣвушкѣ, а держать ее, тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ тѣмъ, въ домѣ, какъ жену. Мужчина, съ дозволенія родителей, беретъ къ себѣ ихъ дочь, живетъ съ нею, какъ съ женою, но женится на ней только тогда, когда она выкажетъ свои способ-

ности быть хорошею хозяйкою. Такое испытаніе можетъ продолжаться годъ и болѣе. Хотя большинство абхазцевъ, въ строгомъ смыслѣ, и не принадлежитъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, они всетаки не придерживаются многоженства, а ограничиваются одною женою. Бываютъ случаи семейной жизни съ двумя женами, но тогда вторая жена поступаетъ въ домъ не иначе, какъ съ согласія первой, которая и остается хозяйкою въ домѣ.

Обычай не позволяетъ абхазцу говорить родителямъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ; скромность-же запрещаетъ самому искать себѣ невѣсту или объясняться съ нею. Молодой человѣкъ повѣряетъ тайну желанія жениться одному изъ своихъ родственниковъ, или-же родители, или родственники молодого человѣка сами вывѣдываютъ отъ него эту тайну.

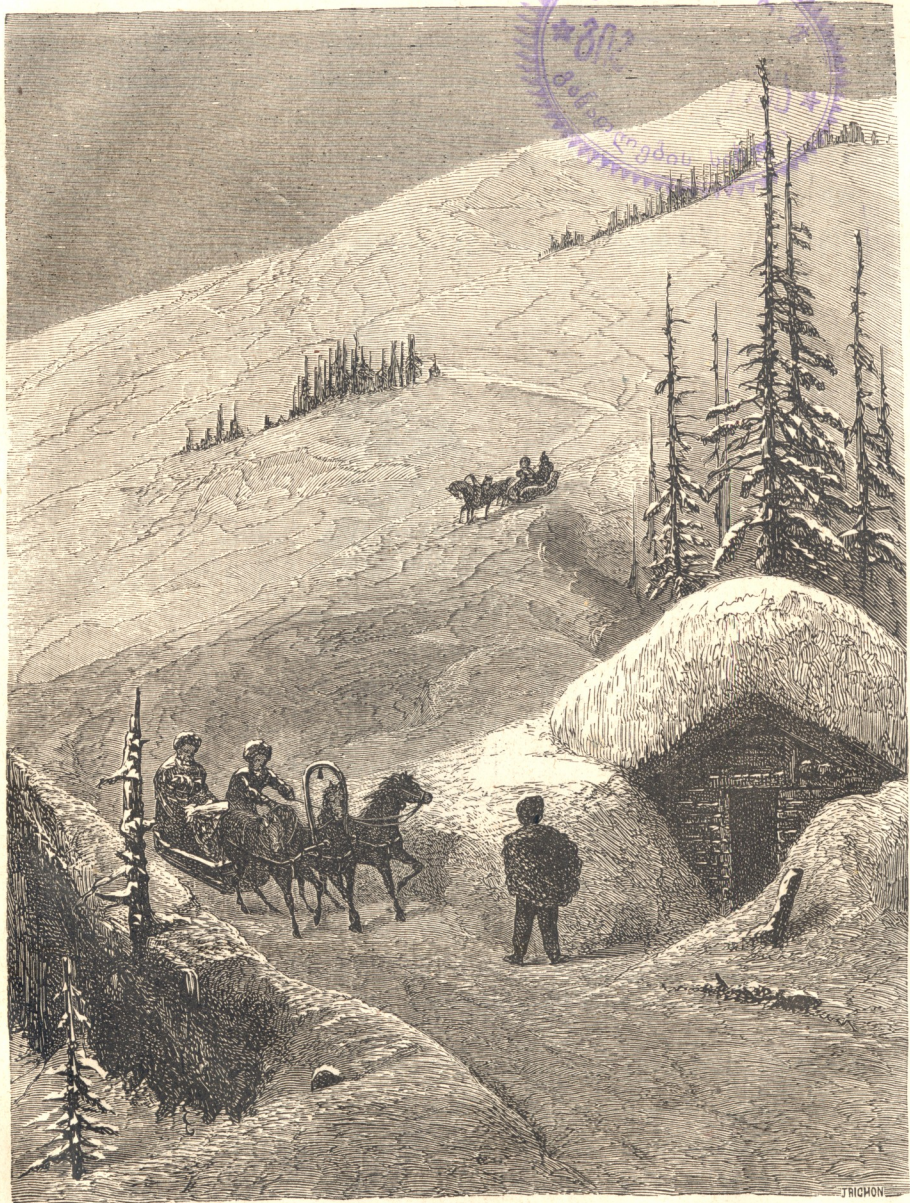
Получивъ согласіе, родители стараются пріискать невѣсту. Если она въ одной и той-же деревнѣ, то, желающій жениться, зная ее хорошо, встрѣчаясь на гуляньяхъ и народныхъ праздникахъ, заявляетъ родителямъ, нравится-ли она ему или нѣтъ. Если-же невѣста живетъ въ другомъ аулѣ, то молодой человѣкъ отправляется туда подъ видомъ путника. Онъ старается придти въ домъ родителей невѣсты поздно вечеромъ, подъ видомъ запоздалаго гостя, котораго, по установившемуся обычаю гостепріимства, принимаютъ со всеѣмъ радушіемъ, не спрашивая, кто онъ, куда и откуда идетъ.

Гость для абхаза считается особою священною: былъ-ли то другъ (доть) или недругъ—онъ одинаково находитъ защиту и безопасность подъ крышею дома того хозяина, къ которому пріѣхалъ.

Есть еще оригинальная черта въ душѣ абхаза: будучи гостепріименъ, абхазецъ не любитъ вечернихъ странниковъ и посѣтителей. Подъѣзжайте къ саклѣ абхаза вечеромъ и просите пріюта,—хозяинъ навѣрно всеѣми средствами будетъ стараться отдѣлаться.

Молодые дѣвушки Абхазіи замѣняютъ обыкновенно въ семействѣ прислугу, и потому молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ домъ подъ

სქოლის
#307
მარტინოვი

J. RICHON

ვერძინა სურამა.

видомъ гостя, можетъ хорошо и легко рассмотретьъ избранную его родителями невѣсту и высказать о ней свое мнѣніе.

Бракъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ основаній въ семейной жизни абхазца. Правда, родственники замужней женщины защищаютъ ее отъ произвола мужа, но защита эта слаба и ничтожна. Мужъ можетъ прогнать свою жену, когда ему вздумается, и взять себѣ дру-

Абхазецъ.

АРДЗИКЪ

гую. Онъ считаетъ совершенно естественнымъ развестись съ такою женою, которая часто и продолжительно болѣетъ, или такою, которая не родитъ ему сына. Въ первомъ случаѣ, переселившись опять къ своимъ родственникамъ, она, по выздоровленіи, не теряетъ еще права возвратиться въ домъ мужа; но во второмъ — такой возвратъ

рѣдко бываетъ возможенъ. Мужъ, во время отсутствія жены, беретъ себѣ другую, живетъ съ нею, приживаетъ дѣтей, и случается, что если первая жена рѣшится возвратиться къ мужу, то застаётъ дома цѣлое чуждое ей семейство.

Впрочемъ, подобное происшествіе никого изъ семьи не поражаетъ: она остается и мужъ живетъ съ обѣими. Такіе случаи одинаково встрѣчаются какъ у христіанъ, магометанъ, такъ и у язычниковъ.

Въ домашней жизни все почти хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Весь тяжкій и грязный трудъ, какъ собственно въ Абхазіи, такъ и въ горахъ, исполняютъ женщины. Мужъ знаетъ винтовку, кинжалъ да шашку, а жена все остальное. Если бы даже случилось, что убогая крыша сакли абазина протекла, то наѣздникъ скорѣе рѣшится погибнуть отъ дождя и сырости, чѣмъ запачкать руки въ глину и замазать дыру въ крышѣ.

Абхазецъ не родится, не женится и не умираетъ безъ выстрѣла и звона шашки. Никогда мужъ не знаетъ о предстоящей и скорой прибыли въ семействѣ. Обычай народа сдѣлалъ это обстоятельство тайною для мужа. Жена тщательно скрывала отъ него беременность и, своимъ разрѣшеніемъ, готовила ему пріятный и неожиданный сюрпризъ. Чувствуя приближеніе родовъ, женщина тихо вставала съ постели, зажигала огонь, прокрадывалась къ винтовкѣ мужа, снимала ее со стѣны и стрѣляла въ дверь сакли. По числу дыръ пробитыхъ въ двери можно собрать точныя свѣденія о числѣ потомства каждаго абхаза.

Поцѣловавъ жену, которая только въ этомъ случаѣ имѣла законное право на ласку, мужъ вскидывалъ на плечо винтовку и отправлялся за бабкой. Втолкнувъ послѣднюю въ свою саклю, будущій отецъ новорожденного оставался за порогомъ, ожидая слабого призывнаго голоса родильницы. Съ первымъ призывомъ жены, мужъ бросался въ саклю и останавливался на порогѣ.

— Отвага или красота? спрашивалъ онъ бабку.

— Отвага, отвѣчала та.

Мужъ спѣшилъ къ женѣ, цѣловаль ея, щедро дарилъ бабу, а самаго себя поздравлялъ съ сыномъ.

Но если случалось, что на вопросъ его бабу отвѣчала: красота, — что означало рожденіе дочери, то онъ обязанъ былъ или поцѣловать бабу, или откупиться отъ сладости поцѣлуя, по преимуществу весьма ветхой старухи.

Не оказывая впрочемъ ни сыну, ни дочери особыхъ ласкъ, онъ въ душѣ гордится сыномъ и презираетъ дочь.

Въ семейномъ быту власть родительская неограниченна. Уваженіе къ отцу и старшимъ составляютъ исключительную черту народнаго характера и семейной жизни. Взрослый и даже женатый сынъ не имѣетъ право садиться въ присутствіи отца и старшаго брата. Вообще младшій обязанъ всегда уступить старшему лучшее мѣсто, въ почетномъ углу дома, а въ толпѣ пропускать его. Отецъ не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за жизнь своего ребенка. Въ этомъ отношеніи абхазцы совершенно сходны съ черкесами. Отецъ и здѣсь не долженъ ласкать дѣтей: ласка считается выраженіемъ слабаго характера. Отъ этого отецъ является въ семействѣ человекомъ угрюмымъ, суровымъ, властелиномъ гордымъ и деспотичнымъ. Если злоупотребленія родительской власти случаются не часто, то причиною тому обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства. Между князьями и дворянами обычай этотъ, во всѣхъ племенахъ абхазскаго народа, былъ явленіемъ обыкновеннымъ, а простой народъ также придерживался этого при возможности и средствахъ.

По понятію абхазцевъ, дитя, отданное на воспитаніе, до совершеннolѣтія не должно знать своихъ родителей и близкихъ родственниковъ, а отцу и матери приласкать его считается большимъ неприличіемъ и даже порокомъ.

Отданный на воспитаніе мальчикъ оставался въ чужомъ домѣ до

четырнадцатилѣтнаго возраста и затѣмъ, съ разными церемоніями, возвращался въ домъ родительскій.

Въ домѣ, гдѣ бываетъ покойникъ, собираются мужчины и женщины, садятся вокругъ гроба, проводятъ всю ночь въ пѣніи разныхъ пѣсень, въ которыхъ, какъ говорятъ, даже зачастую ругаютъ умершаго, и когда одни изъ присутствующихъ плачутъ, другіе смѣются и поютъ.

Въ то время какъ всѣ присутствующіе веселятся, поютъ и смѣются, жена покойнаго, чтобы не потерять всякое уваженіе въ народѣ, обязана оплакивать мужа, съ выраженіями отчаянія и самоистязанія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, около котораго толпится не малое число мужчинъ и женщинъ, пріѣзжающей на похороны останавливается, слѣзаетъ съ лошади и проситъ увѣдомить вдову о своемъ пріѣздѣ.

Черезъ нѣсколько времени изъ дома слышится громкій плачь, дверь отворяется и, рыдая и заливаясь слезами, выходитъ жена покойнаго. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, родственницъ покойнаго или неутѣшной вдовы, окружаютъ и поддерживаютъ ее. Волосы ея распущены и на ней надѣта длинная, черная шерстяная рубашка съ открытою грудью; лицо, грудь и руки исцарапаны и избиты до крови.

Выслушавъ выраженіе участія и скорби, которая принимаетъ пріѣзжій въ постигшемъ ея горѣ, вдова вводитъ его въ комнату, гдѣ плачь и рыданіе, сопровождаемые ударами въ лицо и грудь, снова возобновляются съ удвоенною силой и продолжаются до тѣхъ поръ, пока вдова не придетъ въ изнеможеніе. Эти сцены должны повторяться съ каждымъ новымъ пріѣзжимъ до самыхъ похоронъ.

Между абхазцами, даже и христіанами, до сихъ поръ поддержи-

вается обычае хоронить умершихъ по лѣсамъ или близъ дорогъ, или близъ домовъ, но не въ церковной оградѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ похоронъ, семейство умершаго обязано совершить поминки по немъ. На поминки собирается множество народа, они продолжаются не менѣ трехъ сутокъ, въ теченіе которыхъ всѣ живутъ на счетъ родственниковъ умершаго. Поэтому, какъ бы въ покрытіе издержекъ и расходовъ, каждый гость обязанъ сдѣлать посильный подарокъ. Онъ приноситъ то, чѣмъ богатъ: оружіе, сукно, холстъ, матерію, лошадей, скотину, барановъ, домашнюю птицу, зерно и проч.

Поминки происходятъ почти всегда на открытой полянѣ, гдѣ-нибудь по близости деревни.

На третій день поминокъ назначается скачка, которою и заканчивается тризна по умершемъ. Въ скачкѣ принимаютъ участіе исключительно мальчики отъ 12 до 14 лѣтняго возраста. На лошадяхъ, осѣдланныхъ черекскими сѣдлами, но безъ подушекъ, для того чтобы не сидѣть, а стоять въ стременахъ, скачутъ они на значительное разстояніе отъ 30 до 50 верстъ, туда и обратно, по мѣстности чрезвычайно пересѣченной. Состязающихся въ скачкѣ почти всегда сопровождаетъ огромная толпа любителей и охотниковъ. Скачущіе могутъ побуждать своихъ лошадей крикомъ, гибомъ и гопаньемъ, не касаясь лошади плетью. Вся ватага, состоящая часто болѣе чѣмъ изъ сотни всадниковъ, несется черезъ бугры и рытвины по полямъ и по лѣсу, на гору и подъ гору, думая только объ одномъ, какъ бы придти первому и получить призъ часто весьма не цѣнный.

Рѣдко такая скачка обходится безъ несчастія. Мальчики падаютъ съ лошадей, убиваются до смерти и за однѣми поминками слѣдуютъ другія, на которыхъ повторяется снова та же бѣшеная скачка.

Вдова умершаго, по обычаю абхазцевъ, можетъ выйти замужъ за роднаго брата покойнаго, если на то существуетъ обоюдное согласіе. Но если согласія этого нѣтъ и вдова остается въ затруднительномъ положеніи относительно матеріальнаго благосостоянія, то

въ Абхазіи существуетъ прекрасный обычай, по которому жители аула всегда помогутъ ей посѣять и убрать хлѣбъ и обезпечуть ея существованіе. Забота о бѣдныхъ развита въ народѣ и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ общественной жизни абхазца. Здѣсь нѣтъ нищихъ, какъ мы привыкли видѣть въ другихъ мѣстахъ, и бѣдные всегда получаютъ пособіе отъ общества.

